

так называемые "Læreboknormal"; см. также, например: Den ny rettskrivning i lærebøkene 1918; Indstatilligning fra Rettskrivningskomiteén 1917; Ny rettskrivning 1938. Regler og ordliste; Framlegg til skoleboknormal for bokmål 1939; Tilråding om ny rettskrivning 1936; Seip B.A. Gjennom 700 år. Fra diskusjonen om norsk språk. Oslo, 1954. В соответствии с орфографической реформой 1938 г. в букволе (риксмоле) были разрешены параллельные формы, в которых предпочтение отдавалось буквам b, d, g: advare, åtvare; -tagelig; -takelse; -tager, -taker. В соответствии с поправками к этой реформе предпочтение отдавалось в некоторых словах p, t, k: -takelig, -tagelig; -taker, -tager; åtvare; åtving (Framlegg til læreboknormal 1957. Oslo, s. 46; 51).

18 Стеблин-Каменский М.И. Возможно ли планирование языкового развития? (Норвежское языковое движение в тунике). - В кн.: Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языковедении. Л., 1974, с. 83.

19 На юге Норвегии, в так называемой мягкой полосе, произношение "мягких" вместо "твердых" типично. Так, в говоре Кристиансанна, который служил одно время образцом для "правильного" произношения в Осло, произносили [gɑ:ba] gare, [lɛi:de] lete, [kɑ:ga] kake, [sɑ:ga] søke (Johnsen A. Kristiania bymål. Oslo, 1942, s. 7).

G.V.Voronkova

Om fakultativ variasjon i norsk

I artikkelen beskrives stilistiske fakultative varianter av fonemene /p, t, k - b, d, g/ med særlig vekt på den diakroniske rollen som disse variantene spiller i det norske synkroniske lydsystemet. Det slås fast at oppkomst, spredning og bortfall av bløte konsonanter i noen stillinger skyldes påvirkning av dansk skriftspråk, norske rettskrivningsreformer og dialektene på Sørlandet. Fakultative bløte konsonanter dør bort i enkelte ord og uttrykk og blir igjen når de alternerer med harde plosiver på grensen til avledning/morfemer.

Н. Ю. Гвоздецкая

ОБОЗНАЧЕНИЯ "РАДОСТИ" В "СТАРШЕЙ ЭДДЕ"

Глоссарий к "Старшей Эдде"¹ содержит ряд лексем, переводными эквивалентами которых являются обозначения "радости",

ор. glādr adj. heiter, froh, stets ohne angabe des worüber; feginn adj. froh, im gegensatz zu glādr stets mit angabe des grundes; reifr adj. froh, munter; gaman n 1. freude (durch gesellschaft)... 2. freude (allg.) glauar m lärmender jubel, laute freude; bes. von der geselligkeit in der halle. На первый взгляд эта информация вполне достаточна для того, чтобы объединить данные слова в лексико-семантическую группу на основе общей семы "радость" и, анализируя примеры, попытаться описать их семантические особенности. Именно по такому пути идет К.Остхерен при построении лексико-семантического поля "радости" в древнеанглийском языке, объявляя "путеводной звездой" своего исследования "понятие", определяемое им как "приятное возбуждение чувства".² Вопрос о том, насколько четко вычленилось это понятие в сознании средневекового человека, в его работе не ставится.

Между тем очевидно, что перевод на современные языки весьма приблизительно отражает семантику древних слов, которые, по выражению М.И.Стеблин-Каменского, представляют собой "символы, приспособленные для выражения чего-то в сознании человека далекой от нас эпохи, сознании, совсем не похожем на наше".³ За сходством переводных эквивалентов может стоять единое осмысленное соответствующих мест памятника современным читателем, а не реальная константа средневекового сознания.

В ряде лингвистических работ встречается мысль о том, что понятие "чувства" неотделимо в значении некоторых древнегерманских слов от понятий, связанных либо с другими сферами психической жизни, либо с явлениями социального порядка. Так, др.-англ. *hete* или *gewin* — это одновременно и "ненависть", и "распря".⁴ В содержании др.-сакс. *wôa*, *hugi*, *wôaefo*, по мнению Г.Баккер,⁵ трудно разделить интеллект, волю, чувство (ср. также др.-исл. *hugr* "мужество, мысль, желание"). Думается, что диффузность понятия психической сферы является типологической особенностью древнегерманской абстрактной лексики, которую, на наш взгляд, следует соотносить с отсутствием интереса к внутреннему миру личности, отмеченным историками культуры в оригинальной древнегерманской литературе, с нечетким противопоставлением мира внутреннего миру внешнего в средневековом сознании.⁶

В сагах читатель узнает о переживаниях персонажей только по их внешним проявлениям. На наш взгляд, те же особенности характерны для очень многих ситуаций в "Эдде": о радости героев свидетельствует их смех. В то же время слова, которые традиционно считаются обозначениями "радости", встречаются в контекстах, допускающих разное осмысление, или даже в таких, которые противоречат радости.

Обозначения "радости" в современных языках, конечно, не всегда употребляются с целью сообщить исключительно о внутреннем переживании. Так, выражение "радости жизни" указывает, скорее, не на психический феномен, а на материальные блага или чувственные удовольствия. Наряду с подобными выражениями в современных языках существуют и другие, описывающие исключительно психическое событие ("почувствовать радость", "лицо светится радостью" и т.п.). Однако такого рода словосочетания отсутствуют в языке "Эдды".

В настоящей статье мы попытаемся показать, что типичные контексты употребления ряда лексем, трактуемых в глоссарии как обозначения "радости" (и являющиеся таковыми в современном исландском языке), указывают на принадлежность этих лексем к иной сфере понятий, нежели эмоции и чувства.

Употребление прил. *feðinn* связано в "Эдде" почти исключительно с двумя мотивами — встречи и насыщения; перевод глоссария — "радостный" (всегда с указанием причины). В случаях, когда речь идет о насыщении, контекст не дает основания утверждать, что имеется в виду душевный настрой, а не удовлетворение физической потребности. *Nótt varðr feðinn, / sá er næsti trúir* (Háv, 74) — "Ночью сит тот, кто довернет (своим) припасам" (т.е. кто позаботился о них заранее); *þá heyrir þú / hrafnna gjalla, / orno gjalla, / seðli feðna* (Gör II, 8). — "Тогда услышишь, как вороны кричат, орны кричат, кормом довольные" (или "кормом ситые", ср. формульную полустроку *orno vædda* (Hn, 35) "орны насытившиеся", где в похожей ситуации употреблено причастие от глагола *veðia* "насыщать"). Мотивы встречи и насыщения своеобразно переплетены в Hn II, 43 и Fm, 25. В Hn II, 43 Сягдун так говорит о своем состоянии при встрече с Хельти: *Nú em ec svá feðin / fundi ocrom / sem átfrekir / Óðins haugar,*

/er val vito, /vignyt bráðir (НН II, 43). Меч, который отирает о траву "довольный победой" (gagní feginn Fm, 25) Сигурд, заставляет вспомнить об острых мечей, которыми "насищал орлов" Хельги (ос mett aga/ oddom zaddas НН II, 8). В Ам, 69 мотив насыщения отсутствует в контексте строфы, но есть в более широком контексте песни: Гудрун устраивает Атли торжественную встречу и, мстя за смерть братьев, заставляет его отведать мяса собственных сыновей.

Ограничение употребления feginn контекстами встречи и насыщения объясняется, по нашему мнению, его семантико-деривационными связями с глаголом fagna "оказывать гостю хороший прием" (ср. формульное выражение honum var vel fagnat). Эти связи позволяют высказать предположение о первоначальном смысле feginn — это "состояние гостя, которому оказан подобающий прием". Таковой включал достойное приветствие (ср. Gr, 5), обильное угощение и всяческую заботу о нуждах гостя (ср. Ам, 6). Выражение радостных эмоций, которое, конечно, могло иметь место в действительности, не считалось достойным упоминания, и потому нет необходимости особо выделять его в семантике fagna (как это сделано в толковании глоссария: freudig begrüßen "радостно приветствовать"), тем более, что иногда подобное истолкование противоречит смыслу ситуации: едва ли с легкой душой встречала братьев Гудрун, ранее посланная им предупреждение об опасности (вполне достаточной представляется трактовка полустроки os fagnaði komum (Ам, 47), данная в переводе А. Корсуна — "братьев встречая, как подобало"⁷). "Ситый", "удовлетворенный приемом", наконец, просто "удовлетворенный" или "довольный" — таковы варианты первоначально единого смысла, нашедшие отражение в языке "Эдды". Смысл "радостный" (конечный результат семантического развития), возможно, присутствует уже в "Эдде", но он неотделим от прочих смыслов и не противопоставлен им в контексте, поэтому трактовка feginn в глоссарии представляется модернизированной. Интересно, что об этимологических связях feginn напоминает иногда даже не ситуация, а деталь словесного окружения. Так, о трусливом Хьялли говорится, что он был бы очень доволен, если бы мог "принять жизнь как дар", т.е. если бы

ему даровали жизнь: *feginn léx þó Hialli, /at hann fiqr þægi* (Am, 63) – глагол *þiggja* часто употребляется в "Эдде" в смысле "принимать дар", ср. Akv, 33.

Взаимоотношения хозяина и гостя (одаривающего и одариваемого) прослеживаются также в контексте употребления прил. *reifr* (перевод глоссария – "радостный, веселый"), связанного с ситуациями гостеприимства (Háv, 15, 103) и пира (композиты *biór-reifr* и *ǫl-reifr*, первая часть которых – обозначения пива). Перевод глоссария подчеркивает в однокорневом глаголе *reifa* как духовный, так и материальный аспекты (*erfreuen, beschenken* "радоваться, одаривать"). На наш взгляд, однотипная сочетаемость глагола (всегда с обозначениями золота в качестве дополнения) говорит в пользу второго, материального, аспекта значения и позволяет толковать этот глагол как "одаривать". В таком случае тот, кто *við gesti reifr* (Háv, 103), – это "одаривающий → щедрый" (ср. также Háv, 15, толкование см. в связи с *gláðr*); *biór-* или *ǫl-reifr* – это "одариваемый (тот, кого угостили пивом) → хмельной" (опьянение больше, чем веселость, подчеркивается в соответствующих контекстах: Браги, которого пришлось "усмирять" (кутта) на пиру из-за его неподобающих речей; воины Брунрекка, не услышавшие стука копья).

Наиболее многочисленны примеры с прил. *gláðr* (перевод глоссария – "веселый, радостный" (всегда без указания причины)), которое выступает также в составе имени собственного. Имя мифологического коня *Gláðr* имеет два толкования: "веселый" (J. de Vries) и "гладкий, блестящий" (H. Kuhn). Второе толкование, ориентированное на древнейшее, этимологическое значение слова, в большей степени отвечает как характеру мифологической номинации, так и поэтическому контексту. Другие имена коней в этой туде либо обозначают внешность и внешне воспринимаемые особенности поведения коня (*Falhófnir* "мохноногий", *Sceiðbrimir* "храпящий" и др.), либо дают мифологическим коням идеализирующую оценку, основанную на впечатлении блеска и света, в частности блеска золота (*Glær* "светящийся", этимологически родственно *Gláðr*; *Gísl* "сияющий"; *Gyllir* "золотистый"; *Gulltorpr* "с золотистой холкой"). Заметим, что именно последняя группа имен образует аллитерационный "каркас" парных

строк, в который включен и *gláðr* (ср. также параллелизм *gláðr* и *gláð*, каждое из которых начинает строку): *Gláðr oc Gyllir, / Glægr oc Sceiðbrimir ... Gláð oc Falhófnir, / Gulltoppr oc Léttfeti* (Grm, 30).

Мифологический топоним *Gláðsheimr*, скорее, - "мир блеска", чем "мир радости" (как он обычно переводится). Это осмысление подтверждается, на наш взгляд, и характером номинации в других топонимах того же рода (*Breidablic* "Широкий блеск", *Glitnir* "Блестящий", *Glavir* "Блестящий"), и мотивировкой подобных названий блеском золота: *Glitnir er inn tiundi, / hann er gulli studdr* (Grm, 15); *Glavir stendr / með gullnu laufi / fyrir Sig-tús vplum* (SnE, 113).⁸ В обоих случаях название топонима и название мотивирующего признака приходятся на аллитерирующие вершины строки. Тем же особенностями лексики и стиха отмечена полу-строфа в Grm, 8: *Gláðsheimr heitir inn fimti, / þars en gullbiar-ta / valhqill víð of þrumir*. В "Младшей Эдде" при упоминании данного топонима тоже сообщается о золотом убранстве этого жилища богов (SnE, 22).

В роли эпитета *gláðr* встречается в ситуациях, которые на первый взгляд вполне могут подразумевать радостные эмоции или подъем духа: игра на арфе (Ver, 42), пир богов (Grm, 7, 13) или героев (Lkv, 33), встреча гостя (Gr, 3, 19) или возлюбленной (НН II, 14), сражение (НН, 49) или месть (Sg, 31). Однако во многих случаях анализ контекста позволяет обнаружить противоречивость подобной трактовки. Игра на арфе, атрибут древнегерманского пира, могла, однако, сопровождать и трагические ситуации, ср. игру Гуннара, брошенного в змеиный ров. Играющий на арфе Эггдер (*g'giar hirðir, / gláðr Eggðér* (Ver, 42) в переводе А. Корсуна "пастух великаны, Эггдер веселый") упомянут в контексте описания конца мира, "гибели богов"; Эггдер сидит на могильном кургане - *á haugi*, под "деревом повешенных" - *gálg-viðr*. Смех Бринхильд после убийства Сигурда, по мнению М. И. Стеблин-Каменского, - не радостный, а "героический" смех⁹ (ср. Sg, 31). Хельги, которому признается в любви Сигрун, обещает ей поддержку, никак более не выражая своих чувств. В прозаическом отрывке, предшествующем НН II, 14, сказано только, что Хельги был очень утомлен боем. Пророчество Гринпира о том, что

Сигурду суждено быть гостем Хеймира (*gláfr gestr*, Grp, 19), су-
лит Сигурду смерть. По-видимому, в этих примерах эпитет не
описывает состояния героев, а является украшающим. Украшающий
характер данного прилагательного подчеркнут тем, что оно несет
высокую поэтическую нагрузку¹⁰ - всегда (за одним исключением)
аллитерирует и обычно участвует в эпической вариации. Поэтому
представляется вполне вероятным, что в роли эпитета, как и в
имени собственном, *gláfr* сохраняет значение "блестящий" -
прилагательные света и блеска (*hvítr*, *líóen*, *bleikr*, *esírr*,
blátr) широко представлены в "Эдде" как украшающие эпитеты и
имеют тенденцию к переходу в имя собственное (ср. *Svánhvít*
"Лебяжьесветлая" и *Hróðglað* "Славносветлая").¹¹ Приведем при-
меры употребления *gláfr* и *blátr* в сходных формульных выра-
жениях: *Ílægaði af því, / heiptgígrn kona, / glað á gólfí, / af*
þér góða víti (Zg, 31) - "Не от того ты смеешься, злобная же-
нщина, светлая в доме, что доброе задумала" и *Ísær var es meúa,*
/ móðir mic fœddi, / bígrt í buri (Gðr II, 1) - "Была я девой,
мать меня воспитала, светлая в доме"; *Þiggja knáttu, þengill /*
í þínni hóllo / gláfr at Guðrúno / gnædda niflfarna (Akv, 33) -
"Принять можешь, князь, светлый от Гудрун, в своей палате, де-
тенышей, во мрак ушедших" и *en þani Bella, / blátr, at Surti*
(Var, 53) - "А Бели убийца, светлый, на Сурта".

В целом украшающему эпитету в "Эдде" свойственно описы-
вать не внутренние переживания и душевные состояния, а внеш-
ность человека или героические добродетели.¹² Примечательно,
что др.-англ. *glæd* в "Беовульфе", этимологически родственное
gláfr и тоже выступающее в роли украшающего эпитета (ср. *glæ-*
dir Ylfingar (NH, 49) и *glæde Scyldinga* (B, 58), обычно тол-
куется как "славный", "благородный", "милостивый" (С. L. Wrenn,
Fr. Klaeber) или "величественный, статный" (Heine-Schücking).
Думается, что подобная трактовка не исключена и для *gláfr*.
Так, в "Пророчестве Грипира" *gláfr* участвует в эпической ва-
риации наравне с такими постоянными эпитетами конунга, как
högscr, *gegn*, *snotr*, *ítr*, *mætr*. Ср. также вариацию внутри
строки: *gofuct líð gylfa, / gládir Ylfingar* (NH, 49). В сущно-
сти, семантика *gláfr* могла бы быть подана в словарном толко-
вании в очень широких рамках, как это сделано, например, для
прилаг. *gegn*: *lobendes Beiwort: klug od. wohlwollend od. ge-*
46

recht. Употребление украшающего эпитета для характеристики героя направлено на то, чтобы подчеркнуть идеальный характер этого героя, чем и обусловлена "размытость" семантики такого рода прилагательных.

Более точного определения требует значение *glædr* там, где от прилагательного зависит весь смысл высказывания. Ам 6 обнаруживает параллель с др.-англ. *glæd* в значении "дружелюбный, приветливый" (*Wætm, Klæber*), ср. *veð við gættas glæd /geofena gemundig* (В, 1173). — "Будь с гостями приветлив и помни о дарах" (обращение Вальхтесов к Хродгару на пиру) и *Glöð var os Glásmör, / ... / hústi um þorf gesta* "Приветливая была и Глаумвер... заботилась о нуждах гостей" (речь идет о выполнении долга гостеприимства, причем выражение *glöð var* варьирует клягюл *qvæddi* "приветствовала"; о поведении хозяина см. также *Háv, 103*). В Ам, 60 и *Fm, 31* *glædr* варьирует обозначения смелого, решительного: *Hvortan er betra, / ... glöðom er betra* (*Fm, 31*); *Gör, sem til lystir! / glædr minn þess víða, / gæsr minn þér reynaz* (Ам, 60). Возможно, здесь актуализируется одно из значений *glædr* в роли украшающего эпитета ("храбрый"). В Ам, 60 (слова Хитти перед казнью) философское понятие "радости в страдании" противоречило бы чуждому рефлексии мировосприятию эпического героя. Той же бодрой готовости пред лицом смерти учит строфа из "Речей Высокого": *glædr os reifr/æyli dýama hverr, / um vinn víðr dala* (*Háv, 15*), в переводе А. Корсуна: "каждый да будет весел и добр до часа кончины". По нашему мнению, здесь речь идет не об эмоциональном состоянии ("весел"), а о тех добродетелях, которые упомянуты в *Háv 48*: *mildir, fróenir / menn bast lífa*. — "Щедрые, смелые счастливы в жизни".

В глоссарии у *gaman* два значения: 1. "радость обращения"; 2. "радость" (вообще). Примеры с *gaman* действительно делаются на те, где говорится об общении людей, и те, где таковой смысл отсутствует. Можно, однако, сомневаться, что объединяет эти примеры именно "чувство радости". В *Háv, 114* *gaman* упомянуто при перечислении всего, чего лишается человек, охваченный любовной страстью: *hon svá gærir, / at þú gair eigi/þing né þíðans máls; / mat .þú né villat/né mannaeis gaman, / ferr þú*

vorgafullr at vofa. В данной отрывке упоминаются тинг и тьябн, еда и сон — основы физического и социального существования человека. Тот же мотив и почти в тех же выражениях присутствует в Grp, 29: Non firrir þic / flesto gamni, / fagr állti / föstrá Heimla; / svefn þú né sefr, / né um vasar doemir, / gágaði manna, / nema þú mey vér. — "Она лиши́т тебя всех благ, прекрасная воспитанница Хеймира; не будешь ни спать, ни участвовать в тьябах, ни замечать людей, пока не увидишь деву". Здесь тоже идет речь о сне, тьябах, общении с людьми, но слова, обозначающие эти понятия, следуют за gaman, как бы расшифровывая его смысл. Таким образом, круг оъединяемых данным словом явлений показывает, что заключенное в нем понятие не только несводимо к "радости" как внутреннему переживанию, но и глубже, чем просто "общение с людьми", как переводит gaman X. Геринг.¹³ Точнее было бы сказать, что gaman отражает не сам процесс общения, а его результат — те блага, которыми может воспользоваться только человек, связанный сетью социальных отношений с другими людьми. Эти блага подразумевают не только взаимоотношения людей, но и предметы, в которых они материализуются.¹⁴ Думается, что Háv,⁴⁷ следует понимать не столько в плане духовных богатств, сколько в связи со средневековым "институтом дарения",¹⁵ и auðigr "богатый" имеет здесь прямой, а не переносный смысл: Ungt var es forðom, / fóg es einn vaman, / þá varð es villr vege; / auðigr þóttomz, / er es annan fann, það er manna gaman. — "Некогда я был молод, отправился в путь в одиночку, и заблудился; богатым счел себя, встретив другого, человек человеку — благо".

Связь gaman с богатством (auðr) и едой (matr) прослеживается в NN 11,33: Þá væri þér hefnt / Helga dauða, / ef þú værir vargr / á viðom úti, / auða andvani / oc allz gamans, / hefðir eigi mat, / nema á hægom srgungir. — "Было бы отомщено за смерть Хельги, если бы ты стал волком (vargr значит также "преступник, изгнанник") в лесу, лишенный богатства и всех благ, не имел бы еды, разве бы только набрасывался на трупы". Контекстуальная и понятийная связь слов gaman, auðr и matr подчеркивает не только материальный аспект понятия, обозначаемого gaman, но и социальную окраску auðr и matr. Лишение

изгнанника еды предполагает не голодную смерть, а удовлетворение голода падалью (как об этом говорится в отрывке), т.е. социально не принятым способом (ср. в *Skm*,35 угрозу Скирнира, что Герд придется пить козью мочу). Возможно, как нарушение людских обычаев следует рассматривать и упоминавшееся выше лишение сна - бодрствовать ночью свойственно нечеловеческим существам; ср. в этой связи также кеннинг ночи *vefngaman* (*Alv*, 30) "благо сна". Суц. *aubr* часто употребляется как синоним изделий из золота (ср. формулу *aubr oc hringa* (*HN I*,11) относимую к разряду тавтологических¹⁶), а в *Vsp*,7 обозначает продукт кузнечного ремесла (*aubr vmiðoðo*), т.е. служит воплощением общественного труда (упоминается в повествовании о сотворении мира в связи с учреждением религиозного культа и ремесла). Связь *gaman* с понятием богатства позволяет думать, что Гуннхильд предлагает Гудрун шьющих золотом гуннских девушек не для развлечения (*avá at þér gaman þicci* (*öbr II*, 26) - в переводе А.Корсуна "тебе на забаву"), не для того, чтобы расквитаться скорью по убитому Сигурду, а как богатство, как возмещение за нанесенный убийством ущерб (ср. рабынь и дорогие уборы в *Am*, 70, которых Атан предлагает Гудрун за убийство ее братьев). Переплетение мотивов богатства и еды можно видеть в "золоторогих коровах" великана Трима, называемых им наряду с прочими богатствами, среди которых не хватало красавицы Фрейи (*Þrk*,23). Таким образом, в круг понятий, с которыми ассоциируется *gaman*, входит любовная связь (см. также *Vm*, 32, *Skm*,39, 41, *Hrb1*, 30, *Náv*, 99, 161).

Угрозу отторжения от мира людей на равные лады варьирует в своих заклинаниях Скирнир, чьи проклятия включают лишение Герд не только *gaman*, но и *glaustr* (в глоссарии толкуется как "шумное веселье, особенно на пиру"), ср. *Skm*,30 и 34. Контекстуальное обличение этих двух слов, которое наблюдается и в других примерах (ср. формульные выражения с прил. *andvani* "лишенный": *aubr andvani/ oc alla gamana* (*HN II*, 33) и *enn þú, gramr, riðir/ glaumr andvani* (*Br*, 16)), позволяет предположить, что в значении *glaustr* на первый план индвигается ценностный аспект пира, пир как средство поддержания социальных связей в варварском обществе. В *Br*,16 лишенный *glaustr* оказывается ведомый на казнь Гулар. Мотив смерти, перекликающийся с мотивом изгнания, звучит также и в проклятиях Скирнира.

В "Речах Высокого" гаман появляется в композите гаман-гáнаг в связи с советом добиваться взаимного согласия и поддержки у доброго человека (в беседе?): *göðan mann/ teygðo þér at gamanþínom, / oc neh lícnargaldr, meðan þú lifir (Háv, 120)*, причем соседство с *lícnargaldr* "благие заклатья" указывает, возможно, на сакральную природу понятия, обозначенного композитом. Контекстуальное и смысловое "средство" *gamán* с *göðr* "хороший, добрый" и *galdr* "заклатья" видно в *3d, 5*, причем здесь оно скреплено также средством поэтическим (все три слова аллитерируют между собой: *göðra galdra / oc gamanþínom*). Сигурда, вопрошающего Грипира о судьбе Гуннара (*þan Gunnari / til gamans gábit (Grp, 44)*) и своей собственной судьбе, интересуется, конечно, сколь "благим" будет его хребий, и "радость" в переводе А. Корсуна — это явная модернизация ("Будет ли Гуннару хребием радость"), приписывание эпическому герою способности осознавать свои эмоции как ценность.

Определить обозначаемое *gamán* понятие ("благо социализации?") потому оказывается так трудно, что "абстрактные" слова современных языков ("благо", "польза" и т.п.) кажутся для его передачи слишком общими, в то время как попытка конкретизировать их приводит к перечислению явлений, представлявшихся порой внутренне не связанными современному человеку. Лучше всего эту особенность древних понятий выразил В. Грэнбек: "Они указывают одновременно на нечто духовное и на нечто материальное, однако отсутствует стик (шов), где встречались бы материя и дук".¹⁷

П р и м е ч а н и я

¹ Здесь и далее ссылка на издание: E d d a. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrag. von G. Neckel. II. Kurzes Wörterbuch von H. Kuhn. Dritte umgearbeitete Auflage des Kommentierenden Glossars. Heidelberg, 1968.

² O a t h e r g e n K. Studien zum Begriff der "Freude" und seinen Ausdrucksmitteln in altenglischen Texten (Poesie, Alfred, Aelfrik). Berlin, 1959.

³ С т е б л и н - К а м е н с к и й М. И. Мир саги. Л., 1971, с. 7.

⁴ По этой причине В. Кольвайн считает понятийные схемы Доризайфа и Халлинга-Вартбурга непригодными для классификации древнеанглийских слов (K u h l w e i n W. Die Verwendung der Feindseligkeitsbezeichnungen in der altenglischen Dichtersprache. Neumünster, 1967, S. 56).

⁵ В е с к е р G. "Geist" und "Seele" im Altsächsischen und im Althochdeutschen. Heidelberg, 1964.

⁶ С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. 1) Мир саги; 2) Маф. Л., 1976; Г у р е в и ч Е.А. Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁷ Здесь и далее переводы А. Корсуна цитируются по изданию: Б е о в у л ь ф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах (Библиотека всемирной литературы. Серия первая, т.9). М., 1973.

⁸ Цит. по: E d d a Snorra Sturlusonar. Þórleifr Jónsson gaf út. Kaupmannahöfn, 1875.

⁹ S t e b l i n - K a m e n s k i j M.I. Valkyries and heroes. - Arkiv för nordisk filologi 97 (1982), s.83-84.

¹⁰ О связи поэтической и семантической значимости слов в древнегерманской аллитерационной поэзии см.: С м и р н и ц к а я О.А. Синонимические системы в "Беовульфе". - Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. 1980, № 5, с. 44-57.

¹¹ Об украшающем эпитете в "Эдде" см.: М е л е т н и - с к и й Е.М. "Эдда" и ранние формы эпоса. М., 1968.

¹² Н е i n r i c h a Н.М. Stilbedeutung des Adjektiva in eddischen Heldenlieder. Würzburg, 1938.

¹³ С e r i n g Н. Glossar zu den Liedern der Edda. Paderborn, 1923.

¹⁴ О взаимоотношении в "Эдде" героя и вещей см.: Г у - р е в и ч А.Я. "Эдда" и сага. М., 1979.

¹⁵ О роли даров в средневековом обществе см.: Г у р е - в и ч А.Я. Категории средневековой культуры.

¹⁶ Г у р е в и ч Е.А. Парная формула в эддической поэзии: Опыт анализа. - В кн.: Художественный язык средневековья /Отв. ред. В.А.Карпушин. М., 1982, с. 65.

¹⁷ Цит. по: S c h l e n k K.F. Studien zum Gebrauch vom *draem* in der angel-sächsischen Poesie. Marburg, 1950, S.10.

N.Ju. Gvozdetckaja

Beteckningar för "gläsje" i "Äldre Eddan"

Med hjälp av kontextanalys bevisar författaren att betydelseerna av de fornläsniska ord, vilka brukar översättas i Eddas glossarium med moderna beteckningar för "gläsje", tillhör ett annat begreppsområde.